

УДК 343: 004.738.5

DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-240-252

Дефиниция и законодательное конструирование объективных признаков преступлений экстремистской направленности в сети Интернет

Екатерина А. Редькина

*Российский государственный гуманитарный университет
Москва, Россия, redkina.e@rggu.ru*

Марьяна В. Архипова

*Калининградский филиал Российского университета кооперации
Калининград, Россия, Amon75@mail.ru*

Аннотация. В рамках настоящей статьи анализируются преступления экстремистской направленности с позиции дефинитивного анализа, а также исследуются особенности конструирования объекта и объективной стороны указанных преступлений. При этом авторы, исходя из собственных научных интересов, ограничили предмет нашего исследования способом их совершения – в сети Интернет, и соответственно будет проведен анализ объективных признаков тех составов преступлений экстремистской направленности, в основном или квалифицированном составе которых предусмотрен данный способ (в частности, ст. 280, 280.1, 282 УК РФ).

Ключевые слова: экстремизм, преступления экстремистской направленности, объект преступления, объективная сторона, уголовное право

Для цитирования: Редькина Е.А., Архипова М.В. Дефиниция и законодательное конструирование объективных признаков преступлений экстремистской направленности в сети Интернет // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». 2022. № 3. Ч. 2. С. 240–252. DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-240-252

Definition and legislative construction of objective signs of extremist crimes

Ekaterina A. Red'kina

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia, redkina.e@rggu.ru

Mar'yana V. Arkhipova

*Kaliningrad Branch of the Russian University of Cooperation,
Kaliningrad, Russia, Amon75@mail.ru*

Abstract. Within the framework of the article, crimes of an extremist orientation are analyzed from the standpoint of a definitive analysis, as well as the specifics in constructing the object and the objective side of those crimes are investigated. At the same time, the authors, proceeding from their own scientific interests, limited the subject of our research to the method of committing an extremist crime - on the Internet and, accordingly, an analysis of the objective signs of those crimes of an extremist orientation will be carried out, in the main or qualified composition of which such a method is provided - in particular Articles 280, 280.1, 282 of the Criminal Code of the Russian Federation.

Keywords: extremism, extremist crimes, object of the crime, objective side, criminal law

For citation: Red'kina, E.A. and Arkhipova, M.V. (2022), "Definition and legislative construction of objective signs of extremist crimes", *RSUH/RGGU Bulletin, "Economics. Management. Law" Series*, no. 3, part 2, pp. 240-252, DOI: 10.28995/2073-6304-2022-3-240-252

Особенностью развития мирового сообщества является его информатизация, которая стала массовой и обширной в первую очередь с развитием информационно-коммуникационных технологий и в частности – сети Интернет. Одновременно с динамическим развитием информационного общества получила свое развитие и преступность в информационной среде, в том числе и киберпреступность. Совершение преступлений в сети Интернет коснулось и преступлений экстремистской направленности, что связано как с обширнейшим использованием данной сети пользователями, так и относительной незащищенностью указанной информационной сети. Впервые экстремизм в информационном пространстве был зарегистрирован в начале 2000-гг., а затем темпы его прироста стали нарастать, и в настоящее время ученые говорят о достаточно большом сегменте экстремистских проявлений в сети, что связано также и с тем, что абсолютное большинство организаций экстремистской направленности переориенти-

ровали свою деятельность с учетом возможностей сети Интернет, стали использовать социальные площадки и сети для размещения соответствующей информации. Экстремистская деятельность в сети ведется по двум векторным направлениям: это функционирование собственных сайтов с размещением информации экстремистского характера, а также активизация деятельности в рамках форумов, групп, порталов. Высокий рейтинг посещаемости таких сетей, как Facebook, Instagram, TikTok, Twitter, ВКонтакте, возможность неадминистрируемого размещения в них материала и другие сопутствующие факторы повлияли на активизацию экстремистской деятельности в данных социальных сетях.

Понимание преступлений экстремистской направленности

Первоначально нам представляется необходимым проанализировать понятие «преступления экстремистской направленности». Проблему в понимании исследуемой дефиниции создает то, что в отраслевом законодательстве понимание экстремистской деятельности более широкое, нежели в уголовном законодательстве. Актуальность исследования данной проблематики подчеркивается тем, что термин «преступления экстремистской направленности» используется в иных нормативно-правовых актах¹, а значит, требует существенной доктринальной проработки в целях единообразного применения законодательства.

Данное понятие закреплено в соответствующем Примечании к ст. 282.1 УК, согласно которому к исследуемым деликтам относятся те, которые совершены по ксенофобским мотивам и предусмотрены статьями Особенной части уголовного закона либо п. «е» ч. 1 ст. 63 УК. При этом Пленум Верховного Суда РФ² толкует данное понимание буквально, делая оговорку о том, что к указанным могут относиться и иные преступления, совершенные по тому же мотиву.

Отметим, что в предыдущей редакции уголовного закона, в Примечании содержался конкретный перечень уголовно-право-

¹ Федеральный закон от 10.01.2003 № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 171.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2011 № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

вых деликтов, признающихся имеющими экстремистскую направленность, и в него включались, в частности, такие статьи УК, как 148, 149, 213, 214, 243, 244, 280, 282. Впоследствии нормотворец отказался от закрепления конкретных статей, по всей видимости, посчитав ошибочным создание их закрытого перечня. Теперь в основе отнесения преступлений к экстремистским лежит специальный мотив. Отдельные ученые считают, что законодатель допустил логическую ошибку в лингвистическом формировании текста Примечания, и его можно толковать таким образом, что есть уголовно-правовые деликты, опосредованные мотивом ксенофобии и закрепленные в Особенной части Кодекса, а также можно выделить деяния, предусмотренные п. «е» ч. 1 ст. 63 УК. Полагаем, что в законодательной конструкции нет логической ошибки, так как формально-логический анализ норм уголовного закона показывает, что в п. «е» ч. 1 ст. 63 указаны не преступления, а преступные мотивы его совершения.

Таким образом, законодатель имел в виду именно мотивирование совершения тех или иных деяний, разделяя их по конструкции объективной стороны: те преступления, в основном или квалифицированном составе которых присутствует данный мотив и те преступления, где диспозицией он не предусмотрен, а значит, требует квалификации через нормы Общей части УК.

Между тем у правоприменителей отсутствует единый концептуальный подход к содержанию понятия «преступления экстремистской направленности», примером чему могут служить ведомственные акты. К примеру, в Приказе Следственного комитета РФ к данным преступлениям отнесены только ст. 282, 282.1, 282.2 УК РФ, а в указании Генеральной прокуратуры и МВД – более 20 составов. Что интересно, в данных ведомственных актах выделяется не мотив совершения преступления, а именно перечень самих деяний, что противоречит позиции как законодателя, так и Верховного Суда РФ.

В научной литературе существуют различные правовые позиции по данному вопросу. Наиболее часто встречается мнение об отнесении к экстремистским деликтам тех преступлений, в основе совершения которых лежит мотивационная составляющая ненависти либо вражды (т. е., по сути, квалифицированные составы, предусматривающие совершение того или иного преступного деяния по данным мотивам). Это могут быть такие преступления, как убийство или причинение вреда здоровью, совершенные по исследуемому мотиву, и др. Ученые также выделяют иные преступления, которые связаны с самим экстремизмом и относятся к ним ст. 280, 280.1, 282, 282.1, 282.2, 282.3 УК [Кадников 2012].

Другой позиции придерживаются ученые, полагающие, что к преступлениям экстремистской направленности относятся те деяния, в диспозиции которых присутствует указание на мотивы ненависти или вражды [Халиков 2008].

Мы придерживаемся мнения, что под преступлениями экстремистского характера следует понимать преступления, где конструктивным признаком объективной стороны указана экстремистская деятельность либо мотив, а равно и иные уголовно-правовые деликты, совершенные по мотиву ксенофобии, обосновывая нашу позицию следующими аргументами.

В законодательстве о противодействии экстремизму между понятием экстремизма и экстремистской деятельности ставится знак равенства. При этом указываются деяния, относящиеся к экстремистской деятельности в виде перечня, дифференциацию которого можно осуществить на действия и мотивы (см. рис. 1).

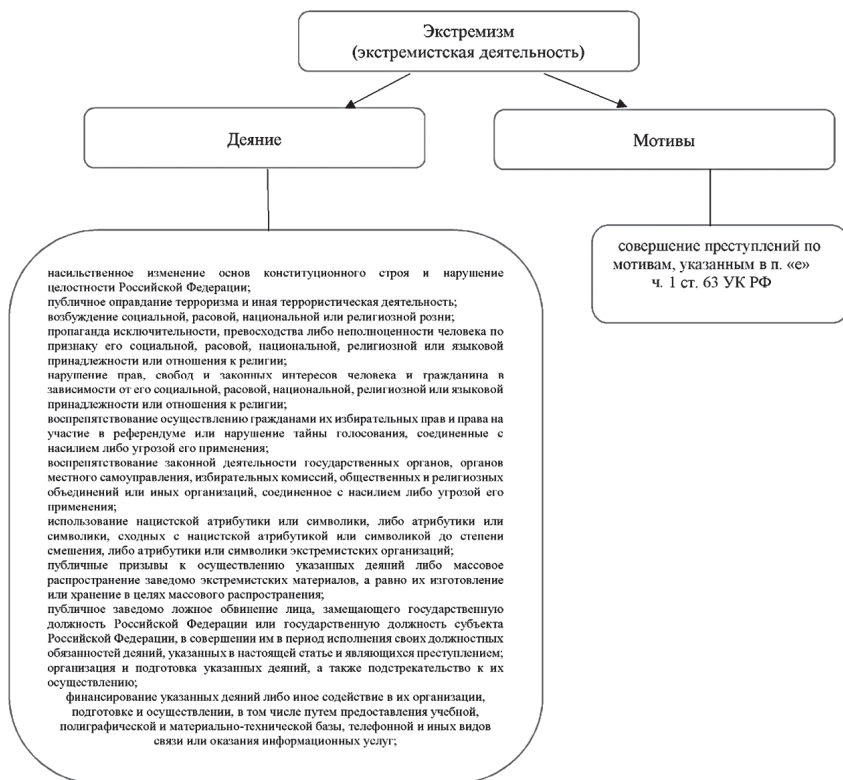

Рис. 1. Виды экстремизма

Соответственно, действия могут быть совершены как с мотивом ненависти или вражды, так и без него (к примеру, финансирование экстремистской деятельности может осуществляться не в силу ненависти к какой-либо социальной группе, а с целью незаконного обогащения). Таким образом, при признании деяния экстремистским мотив не всегда имеет формирующее значение. В уголовном законодательстве нормотворец выделяет мотив как основополагающий признак преступлений экстремистской направленности, оставляя (при буквальном толковании) за пределами данной категории те преступления, где экстремистская деятельность указана в качестве признака объективной стороны (например, ст. 280, 280.1 УК РФ). Полагаем данную ситуацию неверной, так как экстремизм указан в данных составах как криминообразующий признак.

В этой связи предлагаем считать преступлениями экстремистской направленности те преступления, где в качестве признака объективной стороны указана экстремистская деятельность, а также преступления, совершенные по мотивам ненависти или вражды, указанные в основном или квалифицированных составах либо совершенных по мотиву, указанному в п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ. Полагаем, что в целях нивелировки уголовного законодательства следует соответствующим образом изложить Примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ.

Подводя предварительный итог, следует отметить, что понятие «экстремизм», «экстремистская деятельность», «преступления экстремистской направленности» нуждаются в дальнейшей научной компаративистской разработке с целью повышения качества юридической техники структурирования уголовного закона и оптимизации практики применения исследуемых уголовно-правовых норм.

Определение объекта преступлений экстремистской направленности

Исследуя непосредственный объект указанной группы преступлений, необходимо уточнить, что его установление затруднено дефинитивными пробелами законодательства об экстремистской деятельности, так как, по сути, самой исследуемой дефиниции нормотворец не предусмотрел, ограничившись лишь перечислением деяний, относящихся к экстремизму.

В рамках определения непосредственного объекта преступления, предусмотренного ст. 280 УК РФ, нам представляется наиболее полным подход В.Н. Кудрявцева, который предлагает

рассматривать в качестве непосредственного объекта совокупность тех объектов, на которые посягает экстремистская деятельность, а именно – основы государственного строя, права и свободы человека и гражданина, а также безопасность и целостность государства. Связано это с формулировкой как диспозиции самой уголовно-правовой нормы, отсылающей к экстремистской деятельности, так и с перечнем тех деяний, которые считаются экстремистскими. Данная статья включает в себя все деяния, носящие экстремистский характер, а соответственно и посягающие как на конституционный строй, так и на безопасность личности и государства в целом, поэтому и непосредственным объектом данной статьи надлежит считать именно комплекс данных объектов.

Ст. 280.1, введенная в законодательство в конце 2013 г., закрепила норму об ответственности за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности России. До этого времени подобные действия являлись частным случаем общей уголовно-правовой нормы и квалифицировались по ст. 280 УК РФ. Нормотворец посчитал целесообразным выделить отдельную статью, и поэтому ее следует считать специальной нормой по отношению к ст. 280 УК. Более того, в рамках основного состава законодатель счел необходимым установить административную преюдицию. Введение данной статьи обусловлено положениями Основного закона, относящим обеспечение территориальной целостности государства к его конституционно-правовым основам. Следует отметить, что принцип территориальной целостности является основополагающим принципом международного права и включен во многие международно-правовые документы, и его обеспечение является актуальной задачей международного сообщества.

Между тем правовой дефиниции данного термина нет ни в международных, ни в национальных актах, что влечет за собой юридические дискуссии о его концептуальном содержании.

Единого понимания территориальной целостности в науке не выработано, а многие ученые вкладывают в него различный смысл. Хотелось бы отметить, что законодатель разработал исследуемое понятие в рамках проекта Федерального закона «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации»³, в

³ Законопроект № 106374-3 «Об обеспечении территориальной целостности Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации: URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=106374-3&02> (дата обращения 15 мая 2022).

котором интегритет понимается как исторически сложившееся государственное и территориальное единство России в пределах ее государственной границы. Соответственно, посягательство на интегритет может быть выражено в формах, например, распада государства, отделения его части, присоединения к другому союзеру и пр.

В целях четкого и когнитивного понимания непосредственного объекта уголовно-правовой охраны считаем целесообразным уточнить как само понятие, так и формы возможных посягательств, установление какого рода действия призывают в сети Интернет совершать виновные лица. При этом поддержим тех ученых, которые полагают, что предметом уголовно-правового регулирования именно по данной норме должны быть исключительно внутренние угрозы, а угрозы внешние подпадают под соответствующие статьи, устанавливающие ответственность за преступления против мира и безопасности.

Касательно ст. 282 УК РФ следует отметить, что для определения непосредственного объекта следует установить саму цель преступного посягательства. Исходя из наименования статьи, данной целью является возбуждение ненависти или вражды либо унижение человеческого достоинства. Соответственно, достигая преступной цели, лицо наносит урон тем общественным отношениям, которые обеспечивают равноправие граждан и гарантируют защиту их достоинства. Следовательно, данные общественные отношения и следует признать непосредственным объектом посягательства данного преступного деяния.

Основной закон России закрепляет права и свободы человека и гражданина, гарантирует их соблюдение и устанавливает правовые механизмы их реализации. Разжигание ненависти по какому-либо признаку, будь то социальная группа, пол, язык, конфессиональность и прочее, а равно унижение достоинства личности, ведет к дисбалансу общественных отношений, нарушает саму идею равноправия, влияет на состояние защищенности граждан и в конечном итоге наносит урон функционированию государственного механизма.

Особенности конструирования объективной стороны

Исследование конструктивного состава объективной стороны статей 280, 280.1 и 282 УК РФ позволяет резюмировать, что они относятся к формальным составам, так как для их осуществления достаточно совершения самого действия, а наступление последствий диспозиций статей не предусмотрено.

Особенностью деяний, предусмотренных данными статьями УК РФ, является их публичность. Так, ст. 280 и 280.1 УК РФ предусматривают ответственность за действия в виде публичных призывов экстремистской направленности в целом (ст. 280) и частный случай – такой ее разновидности, как нарушение территориальной целостности РФ (ст. 280.1). Здесь необходимо оговориться о том, что по 280 УК РФ следует квалифицировать все действия публичного характера, опосредованные призывом осуществления исследуемого вида деятельности, за исключением тех, ответственность за которые установлена отдельными статьями уголовного законодательства – в частности, речь идет о террористическом акте и нарушении территориальной целостности.

Публичность подразумевает под собой объективную возможность ознакомления с призывами или информацией неограниченным кругом лиц. При этом мы согласны с мнением С.В. Борисова о том, что для квалификации достаточно призыва, при котором присутствовало хотя бы двое лиц [Борисов 2012]. Верховный Суд РФ по данной позиции придерживается мнения о том, что в каждом конкретном случае публичность должна определяться с учетом конкретных обстоятельств дела.

В науке уголовного права ведется дискуссия, что имел в виду законодатель под призывами к осуществлению экстремистской деятельности. Одни ученые, например С.Б. Борисов, дают узкое толкование экстремистской деятельности и предлагают привлекать к уголовной ответственности исключительно за деяния, указанные в законодательстве о противодействии экстремизму, которые априори уголовно наказуемы.

Другие ученые считают, что в ст. 280 УК нормотворец имел в виду все действия, перечисленные в ст. 1 антиэкстремистского законодательства, и, следовательно, необходимо квалифицировать действия виновного по этой статье в случае, если в его публичном выступлении содержался призыв к какому-либо из перечисленных действий.

Мы придерживаемся мнения о необходимости буквального толкования диспозиции ч. 1 ст. 280 УК, подкрепляя свою позицию разъяснением Пленума Верховного Суда РФ, который разъяснил, что при квалификации деяний по данной статье необходимо исходить из положений законодательства о противодействии экстремистской деятельности.

Диспозиция ст. 282 УК РФ указывает на действия с альтернативной направленностью (возбуждение вражды либо ненависти, а также унижение человеческого достоинства). Здесь следу-

ет иметь в виду, что сама направленность действий здесь характеризует цель преступного действия, а вот достижение результата уже лежит за пределами объективной стороны преступления. Лицо совершает какие-либо действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, то есть они являются целью деяния, а не признаком объективной стороны.

Законодатель использует слова «ненависть», «вражда», соединяя их союзом «или», т. е. сами по себе действия могут быть альтернативными, вызывая либо ненависть, либо вражду. Данные понятия взаимосвязаны и взаимообусловлены, но при этом они не являются синонимами. Ненависть – это психическая категория, состоящая во внутренней убежденности человека по отношению к какой-либо группе лиц, т. е., по сути, ненависть представляет собой чувство. Вражда же представляет собой действия, поведенческий акт. Соответственно, ненависть предшествует вражде, причем вражда как таковая может быть последствием ненависти, так как именно внутреннее переживание человека является стимулом к внешней деятельности. Подобными действиями, согласно разъяснениям Верховного Суда РФ, следует считать высказывания о целесообразности геноцида, репрессий, депортаций, совершение актов насилия в отношении какой-либо социальной группы, расы, конфессиональных представителей и т. д.

В контексте квалификации по ст. 282 УК РФ возбуждающей следует признавать такую информацию, которая имеет негативный эмоциональный окрас и формирует соответствующий паттерн в других людях. Следует особо отметить то, что данная информация не должна являться подстрекательской, то есть связанной со склонением конкретного лица к совершению преступного деяния. Л.И. Залиханова подчеркивает, что подобного рода информация является общей, то есть не содержит в себе указаний на отдельных лиц либо, если содержит информацию, то исключительно в качестве иллюстрации для формирования общей негативной установки в отношении какой-либо группы [Залиханова 2001].

Следующим альтернативным действием по ст. 282 УК РФ является унижение человеческого достоинства. Достоинство – морально-этическая категория, связанная с субъективной оценкой себя как индивида и как члена социума, поэтому действия, направленные на унижение, включают в себя намерение оскорбить представителей социальной группы именно из-за их принадлежности к какой-либо расе, религии, полу, языку, подорвать уважением к ним со стороны других членов социума. Это могут быть

действия, умышленно направленные на искажение сведений о культуре, истории, обычаях, идеях и т. п., которые по своей сути носят позорящий или оскорбляющий характер. При этом следует иметь в виду, что подобные высказывания должны носить именно оскорбляющий характер, а, например, критическое замечание или мнение, основанное на фактах, таковым являться не может, т. е. следует учитывать форму и цель подобных высказываний.

Следует отметить проблему юридической техники изложения конструкции объективной стороны в исследуемых преступлениях. Нормотворец посчитал целесообразным использовать множественные термины, указывающие на объективные признаки составов преступлений, что вызывает затруднения в их толковании и правоприменении:

- в квалифицированном составе статей 280 и 280.1 УК РФ указано на способ совершения преступления – «с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», т. е. при этом можно сделать вывод, что для наличия состава преступления необходимо использовать несколько сетей, хотя фактически достаточно и одной сети. В этой связи предлагаем изменить количественные показатели, указав их в единственном числе и соответствующим образом переформулировав части 2 указанных статей;
- в ч. 1 ст. 282 УК РФ указано, что при совершении действий лицо может возбуждать ненависть или вражду в отношении какой-либо социальной группы, выделенной по определенным признакам. Если толковать данную статью буквально, то получается, что данное деяние подразумевает наличие нескольких признаков, хотя фактически может присутствовать и один признак. В этой связи считаем целесообразным внести изменения в ч. 1 ст. 282 УК РФ, заменив слово «признакам» на словосочетание «признаку (признакам)», что будет способствовать более юридически точному изложению диспозиции указанной статьи.

В технико-юридическом плане еще хотелось бы обратить внимание на формулировку 2 ст. 280.1 УК, в которой, в отличие от ст. 280 и 282 УК РФ, содержится указание не только на информационно-телекоммуникационную сеть, но и на электронные сети. В действующем российском законодательстве понятие «электронная сеть» отсутствует. И.М. Рассолов указывает, что существовавшее ранее деление сетей на типы в настоящее время утрачивает свое значение в силу конвергенции технологий [Рассолов 2009]. Идентично использование данных понятий в экономической и других

науках. Соответственно, понятие «информационно-телекоммуникационная сеть» обладает свойством достаточности, и использование неправового понятия «электронная сеть», на наш взгляд, представляется излишним. В этой связи предлагаем исключить указанное словосочетание из текста ч. 2 ст. 280.1 УК РФ.

Литература

- Борисов 2012 – *Борисов С.В.* Преступления экстремистской направленности: проблемы законодательства и правоприменения: Дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 484 с.
- Залиханова 2001 – *Залиханова Л.И.* Уголовно-правовая и криминологическая характеристика возбуждения национальной, расовой, религиозной вражды: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-н/Д, 2001. 217 с.
- Кадников 2012 – *Кадников Н.Г.* Квалификация массовых беспорядков, хулиганства и преступлений экстремистской направленности: Теория и практика / Под ред. Н.Г. Кадникова. М.: Юриспруденция, 2012. 120 с.
- Рассолов 2009 – *Рассолов И.П.* Право и Интернет: Теоретические проблемы. М.: Норма, 2009. 389 с.
- Халиков 2008 – *Халиков М.И.* Экстремизм (уголовно-правовой аспект) // Вестник удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2008. № 2. С. 210–216.

References

- Borisov, S.V. (2012), Crimes of an extremist orientation. Issues of legislation and law enforcement, Abstract of Ph.D. dissertation, Moscow, Russia.
- Kadnikov, N.G. (2012), *Koalifikatsiya massovykh besporyadkov, khuliganstva i prestuplenii ekstremistkoi napravlenosti. Teoriya i praktika* [Qualification of riots, hooliganism and extremist crimes. Theory and practice], Yurisprudentsiya, Moscow, Russia.
- Khalikov, M.I. (2008), "Extremism (criminal and legal aspect)", *Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law Series*, no. 2, pp. 210-216.
- Rassolov, I.P. (2009), *Pravo i Internet. Teoreticheskie problemy* [Law and the Internet. Theoretical issues], Norma, Moscow, Russia.
- Zalikhonov, L.I. (2001), Criminal-legal and criminological characteristics of inciting national, racial, religious hatred, Ph.D. Thesis, Rostov/Don, Russia.

Информация об авторах

Екатерина А. Редькина, кандидат юридических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125147, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; redkina.e@rggu.ru

Марьяна В. Архипова, кандидат юридических наук, доцент, Калининградский филиал Российского университета кооперации, Калининград, Россия; 236022, Россия, Калининград, ул. К. Маркса, д. 17; Amon75@mail.ru

Information about the authors

Ekaterina A. Red'kina, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Square, Moscow, Russia, 125147; redkina.e@rggu.ru

Mar'yana V. Arkhipova, Cand. of Sci. (Law), associate professor, Kaliningrad Branch of the Russian University of Cooperation; Kaliningrad; bld. 17, K. Marx Street, Kaliningrad, Russia, 236022; Amon75@mail.ru